Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Смотрины

Марина пукнула в гостях, сделала это неприлично громко, протяжно. Дождалась, пока тишина установится между подачей блюд, вилки перестали стучать по тарелкам. Разговор, который до этого вился вокруг цен на мясо, потерял актуальность, утонул в обыденности. И в этот момент Марина выдала наилучший образчик газотворчества. Её с утра мучили газы, она выпускала их предусмотрительно у себя в комнате, в ванной, на улице. Но вот в гостях не сдержалась, выдала тираду перпендикулярных противоречий.

До сих пор газы выходили почти бесшумно. Лишь открытие сфинктера обозначалось тихим «пук», дальше газ шёл затуханием буквы «ш». Запах поднимался богатый и весьма специфичный. Переводя на язык парфюмеров, там были тухлые яйца, взятые за основу, маринованные огурцы, солёная рыбка (как без неё!) и лёгкий налёт бананов с гнильцой. Этакое послевкусие, когда запах уже почти рассосался. Марина тащилась от себя. Как токсикоманка, внюхивалась в букет, растягивала его носиком, будто вино дегустировала. Она бы никогда не призналась, что ей нравятся подобные запахи, кроме того, ей нравились только собственные произведения. Ведь каждый запах — это произведение искусства, неповторимый букет гнилых цветов, уникальным образом подобранный в желудке, сваренный в кишечнике, отстоявшийся в прямой кишке. Девочки без фокусов пукают обыденно. Манная каша, овсяная, салат из огурцов, супчик из капусты дают слабые ароматы, которые и запахом не назовёшь. В тишине застолья Марина выдала богатый глубокий букет, заставивший мировоззрение гостей и хозяев дома пошатнуться. Лишь позже они смогли по достоинству оценить особенности пищеварительной системы девушки, а пока все сидели в ужасе, застыв от неверия, принюхиваясь и присматриваясь к фаворитке.

Первым на заводской гудок откликнулся красавец Иван Дёмин — молодой сын хозяина, сидевший напротив Марины и весь вечер оказывавший ей знаки внимания.

— Ну я вас поздравляю, Ираклий Владимирович, — обратился он к отцу Марины, сидевшему по правую сторону от дочери. — С таким ароматом можно из дома не выходить и вообще всю жизнь не работать и только билетики продавать.

— А что, интересный аромат? — встрепенулся седовласый дедушка Ивана Николай Степанович, сидевший в торце слева.

— Мозговыносящий, сейчас и до вас дойдёт, — Иван многозначительно покачал головой, как человек знающий.

— Действительно, душераздирающий запашок, — подтвердил дедушка через секунду. — А чем вы её кормите?

— Я бы сказала, душещипательный, сентиментальный букет, — отозвалась тётка Ивана, приглашённая по поводу смотрин.

Отец Марины Ираклий Владимирович заливался цветом. Красный, как рак, он готов был провалиться сквозь землю. От стыда затряслись руки, задёргалась правая бровь, засосало под ложечкой.

Марина понуро опустила глаза в стол, накрыла лицо потными ладошками. Всё кончено, не видать ей красавчика Ивана, как своих ушей. Его комплименты, ухаживания за столом, заискивающие улыбки — всё кануло в лету перед лицом одного вонючего взрыва, затмившего обеденный раут.

Хотели открыть окно, но рамы были утеплены. Мама Ивана Клавдия Николаевна хотела было перевести гостей в другую комнату, но там тоже не было места, к тому же царил беспорядок. Оставалось прозябать в вонючем протухшем насквозь обеденном зале. И тут, как назло, вонючка выдала вторую тираду, пуще прежней:

— П-ш-ш-ш, — послышалось из-под стола ровно в том месте, где она сидела.

Все слышали, когда началась и когда закончилась газовая атака. Продолжительность выхлопа повергла гостей в благоговейный ужас.

— Пускай идёт в туалет, — рявкнула Клавдия Николаевна. — Там пердит. Папа, ну куда вы лезете?

Николай Степанович искал соседства с бедной Мариной. Гости давно поднялись из-за стола, сгруппировались по углам комнаты, оставив пунцового отца и незатейливую дочь сидеть посередине на местах былой славы.

— Ничего ты не понимаешь в искусстве! — отмахнулся дедушка, пристраиваясь за стулом Марины, втягивая носом густой аромат. — Сиди-сиди, дочка. Я постою, погреюсь. Если не терпится, не терпи. Ты просто создана для услады обоняния. А эти говнюки ничего не понимают в запахах.

— Да засуньте ей пробку в задницу! — заверещала Амалия Дмитриевна.

Мнения разделились, равно как и гости. Мужчины свободно прогуливались по залу, активно обсуждали удивительный аромат, источаемый Мариной. Приближаясь к ней, они принюхивались, одобрительно кивали, улавливая богатый запах. Женщины тем временем выстроились у окна, негодование на их лицах сменялось удивлением. Кто бы мог подумать, что вонючка сможет вызвать такой фурор у мужчин.

— Я бы хотел пригласить вас в гости, — отчитывался почётный друг семьи бизнесмен Савва Морозов. Склонившись над столом перед отцом Марины, он вкрадчивым голосом, стесняясь, просил: — И, если вас не затруднит, попросите Марину Ираклиевну, пожалуйста, исполнить что-нибудь похожее на сегодняшний вечер.

— Да-да, конечно, — Ираклий Владимирович рассеянно кивал, принимая визитку бизнесмена.

Внесли горячее, и гости расселись по своим местам. Весёлые разговоры вокруг Мариниого выхода в свет не прекращались ни на секунду.

— Скажите, Ираклий Владимирович, а дома Марина тоже так вкусно пахнет или только в гостях? Я слышал, что иногда волнение вызывает необычную реакцию организма.

— Дома я не замечал за ней таких талантов, — отец Марины и хотел бы сменить тему, но общий тон разговора не способствовал скорейшему разрешению пикантной ситуации.

— А я, например, когда хочу пукнуть, сдерживаюсь, — жеманно посвятила всех в тайну Клавдия Николаевна, мама жениха. Ей порядком надоело смотреть, как всё внимание мужчин притянуто за уши к одной, пускай и расфуфыренной, вонючке. Необычный ажиотаж вокруг Марины Ираклиевны затмил других молодых барышень, присутствовавших за столом.

— И зря! Зря! — завопил друг семьи Морозов. Он уже распробовал терпкое столовое вино, поданное как десерт, и пришёл к выводу, что единственным деликатесом за весь вечер стал необычный аромат, источаемый Мариной, который гости успели окрестить «маринучка».

— Я тоже могу пукнуть, если сильно захочу, — обиженный голос шестнадцатилетней Анечки Литвиновой заставил гостей умолкнуть.

— Как? — шокированный Николай Степанович таращился на соседку. — И ты, внучка,

молчала всё это время?
— Ну, а что здесь сложного, — залепетала зардевшаяся Анечка. — Тужишься и пукаешь.
— А если обосрёшься? — Иван недоверчиво повёл взглядом по столу.
— Да-да, можно и обосраться, — гости закивали, соглашаясь с утверждением жениха.
— Надо вовремя сдержаться, — со знанием дела сообщила Анечка.
— Ерунда, — Клавдия Николаевна уже свыклась с мыслью, что вечер удался на славу. — Нельзя заставить человека пукнуть, если он сам того не хочет.
— А я могу, — упрямо отозвалась Анечка. Она с вызовом обвела гостей строгим укоризненным взглядом.
— Есть только один способ проверить, — Савва Морозов загорелся новой идеей.
Никто уже не думал об обеде, ценах на мясо. Анечку попросили встать на стул возле окна. Клавдия Николаевна звоном столовой ложечки по бокалу призвала гостей к тишине.
— Ну-с, дорогуша, покажи нам всё, на что ты способна, — критично поджав губы, сказала она.
Анечка скривилась, согнулась пополам, слегка присела.
— Я могу, могу, — повторяла она мантру, тужась, настраиваясь на успех.
Но всё, что она смогла из себя выжать, был треск колен, шуршание плисовой юбки.
— Ладно, слезай, — дедушка Николай Степанович обменялся многозначительным взглядом с Саввой Морозовым.
Гости разочарованно вздохнули.
— Марина с трёх лет чеку выдёргивала, — вдруг проснулся от летаргического сна отец Марины Ираклий Владимирович.
— Это как? — воодушевился жених.
— Не правда, — зашипела Марина на отца.
— Очень просто, — Ираклий Владимирович, не стесняясь, приценивался к открывающимся возможностям. — Подходит ко мне в детстве с гранатой, зажатой в кулачке, вытягивает вот так пальчик и просит: «Выдерни, папа, чеку».
— И что? — бизнесмен Морозов, затаив дыхание, следил за движением пальцев Ираклия Владимировича.
— И всё. Дёргаешь, а она «ба-бах», и вся комната в «маринучке».
— Нет, ну это вряд ли возможно, — Савва Морозов недоверчиво переглянулся с гостями.
— Зуб даю, — Ираклий Владимирович неуклюже подмигнул Клавдии Николаевне, которая, похоже, больше всех выражала недоверие, отмахиваясь с улыбочками.
— Тогда просим на стул. Просим! Просим! Правда просим? — Савва Морозов воодушевлённо зааплодировал, призывая гостей присоединиться. Все неловко захлопали, заулыбались.
— Папа, нет, — Марина закрыла красное лицо руками. Пунцовая от стыда, она сидела всё это время молча, сгорая в адском пламени общественного порицания. Когда начались дебаты по поводу запаха, она просто захотела умереть, когда запах получил парфюмерную прописку «маринучка», она решила, что дома первым делом сожжёт всю одежду, чтобы больше никуда не выходить, если не удастся, то соберёт сумку и уйдёт в монастырь. Теперь все гости смотрели на неё с необычным блеском в глазах, ажиотаж, подогреваемый близостью развязки, заставил гостей вновь подскочить из-за стола и выстроиться вокруг стула.
— Просим! Просим! — орала возбуждённая пьяная толпа, хлопая в ладоши.
Ираклий Владимирович вёл Марину за руку. Она едва переставляла ноги, пукать ей не хотелось, сообщение про чеку и гранату повергло её в шок. Ничего подобного она в жизни не

делала. И вот родной отец ведёт её на казнь, подсаживает на стул. Общественная порка, клеймо позора, прилипшее к ней за столом, закрепится на плахе. Отец заставляет её согнуться, вытянуть указательный палец.

— Ну-с, кто готов выдернуть чеку? — Ираклий Владимирович обводит немногочисленную толпу гостей восторженным взглядом.

— Давайте я, — вызывается жених. Он больше остальных испытывал влечение интимного порядка к принцессе-вонючке. Сейчас ему предстоит распечатать её запашок, самолично произвести залп из всех орудий, подпалить фитиль и отправить ядро «маринучки» по вражеским редутам.

— Кто готов оплатить места в первом ряду? — Ираклий Владимирович берётся продавать билеты.

— Я! — Николай Степанович с самодовольной улыбкой становится возле самой юбки.

— И я! — рядом с ним пристраивается бизнесмен Морозов.

Амалия Дмитриевна выталкивает племянницу Анечку вперёд:

— Пускай поучится.

Анечка с недовольной миной занимает последнее место в первом ряду.

Гости оккупируют оставшиеся места согласно статусу и пожеланиям.

— Все готовы? — Иван озаряет Марину и гостей лучезарной улыбкой.

— Да! — радостно кричат гости.

— Ты готова, дорогуша? — Ваня сильнее сжимает вытянутый указательный пальчик.

— Да, — томно шепчет Марина.

Огромный заряд газа вновь скопился в заднем проходе, желая поскорее вырваться на свободу.

— Тогда поехали! — кричит Иван и дёргает за палец.